

УДК 130.2:303.686(045)

И. В. Голубович, канд. филос. наук

БИОГРАФИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, Одесса, Украина

УДК 130.2:303.686(045)

І. В. Голубович

БІОГРАФІЯ ЯК СОЦІОКУЛЬТУРНИЙ ФЕНОМЕН: МЕТОДОЛОГІЯ АНАЛІЗУ В ГУМАНИТАРНОМУ ЗНАННІ

Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова, Одеса, Україна

Стаття присвячена з'ясуванню ролі та суті біографічної проблематики в сучасному гуманітарному знанні на міждисциплінарному його рівні. Аналізується біографічна складова концепцій «філософії життя», герменевтики, феноменології, структуралізму та семіотики.

Ключові слова: біографія, біографічний похід, гуманітаристика, міждисциплінарність.

UDC 130.2:303.686(045)

I. V. Golubovich

BIOGRAPHY AS A SOCIAL AND CULTURAL PHENOMENON: METHODOLOGY OF ANALYZES ON HUMANITIES

The Odessa National University named after I. I. Mechnikov, Odessa, Ukraine

The article is devoted to explication of the place and role of biographical problematics on contemporary humanities from point of view of interdisciplinarity. It is described biographical content of the “philosophy of life”, hermeneutics, phenomenology, structuralism, semiotics.

Key words: biography, biographical approach, humanities, interdisciplinarity.

Наше время — время биографического и автобиографического бума. Как справедливо отмечается, XX век дал такое невиданное многообразие автобиографических форм, что может быть смело назван «веком автобиографии» [19], такая характеристика справедлива и в отношении биографии, и в отношении начала века XXI. Можно говорить о некоей экспансии биографического/псевдоббиографического в масс-культуре: многочисленные «исповедальные» ток-шоу, обилие гламурных журналов — «Биографии», «Истории жизни», «Караван историй» и т. д.

Проблематика, связанная с феноменами биографии и автобиографии, становится одной из центральных в современном гуманитарном знании. А биографический подход в многообразии своих проявлений приобрел сегодня статус междисциплинарного и занял устойчивую нишу в социологии, психологии, литературоведении, социальной и культурной антропологии, исторической науке и т. д. (см., например, [1]). С 70–80-х годов XX столетия наблюдается своеобразный «ренессанс» в области биографических исследований

[21], сопровождающийся сменой концептуальных оснований, переориентацией на интерпретативные стратегии, концентрацией внимания на уровне субъективно-личностных значений и смыслов, которые организуют биографические практики. Между тем «биографическая» ниша в структуре *humanities* была «занята с боями» — ученым-гуманитариям до сих пор приходится отстаивать свое право на исследовательский интерес к феномену биографии и на приверженность биографическому подходу [17]. Это право постоянно оспаривается противниками, по мнению которых биографический жанр слишком наивен, а биографический подход слишком ненаучный. Их аргументы небезосновательны: стремление подменить содержание и динамику той или иной сферы социальной жизни, культуры, науки, искусства галереей портретов-жизнеописаний ее ведущих представителей во многом сдерживало развитие гуманитаристики, равно как и некритически воспринятая мода на «биографический метод» в позитивистском его исполнении (в частности, «лансонизм»). Однако оппоненты «недооценили»

противника и не заметили появления «нового биографизма/автобиографизма», выросшего на иных, антипозитивистских основаниях.

Философия пока не осмыслила в должной мере эти тенденции социокультурного бытия и гуманитарного знания, а стратегии и методология философского (социально-философского) анализа биографии и биографического нарратива находятся еще в стадии становления. «Биография (биографическая традиция, биографическое письмо) нуждается в аутентичной теоретической доктрине и методологической базе, прежде всего, для того, чтобы соответствующим образом осмыслить свои перспективы в современной гуманитаристике», — заявляет, в частности, украинский философ А. Л. Валевский — автор проекта «биографики» (в определенном смысле — «философской биографики») [8]. Его «Основания биографики» нашли отклик у профессиональных философов, однако специальных исследований в данном направлении в отечественной философской литературе пока не последовало.

Между тем, философский анализ совершенно необходим (и категоричнее — неустраним), в том числе, учитывая междисциплинарность биографического подхода. Философия, одна из важнейших функций которой — интегрирующая, не должна в данном случае отказываться от своего предназначения — объединять, синтезировать, интегрировать конкретные, специализированные области биографических исследований, а в ряде случаев обнаруживать не только возможности сопоставления, но и его принципиальную невозможность. Свою интегрирующую роль по отношению к разнообразным модификациям биографического подхода философия способна выполнить, лишь анализируя теоретико-методологические, философские основания биографической проблематики в современной культуре и в гуманитаристике, обнаруживая глубокую укорененность биографии, биографического сознания, биографической практики в европейской культурной традиции, в ее постоянно воспроизводимом интересе к индивидуальной жизни.

Цель такого философского анализа может быть сформулирована как *двуединая*. С одной стороны, в исследовательском поле должна оказаться биография как социокультурный феномен, характеризующий, прежде всего, но не исключительно, — индивидуально-личностное измерение социального бытия и культуры. С другой стороны, анализу необходимо подвергнуть основания, познавательные возможности и границы биографического подхода в гуманитарном (преимущественно, социогуманитарном) знании. Цель — *дву-единая*, но одновременно и *дву-единая*. Оба аспекта должны предстать во взаимодействии, взаимопересечении, взаимодополнительности. Эта взаимосвязь основана, как минимум, на презумпции саморефлексивности самой жизни, ко-

торая, в свою очередь, также нуждается в проявлении в биографическом контексте.

Конкретный материал и предметное поле для биографического анализа могут быть самыми разнообразными в зависимости от выбора исследовательской стратегии и целей, от методологических пристрастий. А. Валевский говорит о трудностях выделения «биографического факта» из «исторического факта» и «факта жизни». Речь в конечном итоге идет о методологически и тематически обоснованной реконструкции «биографического факта» [8]. Этим статусом будут наделены совершенно разные предметности: для официальной биографии — «внешние» значимые события, для психобиографии — «внутренние» побуждения и переживания, для установки «биография как миф» — «мифотема», явленная в метаморфозах единого мифа отдельной жизни, смене ее фаз-образов или «миф-символов» («исходный символ» — «ген» жизненного сюжета, содержащий множество потенциальных возможностей).

Различными могут быть и теоретико-методологические основания биографически ориентированного исследования. Здесь также возникает проблема обоснования самого выбора методологии (методологий и их синтеза). Мировоззренческий и методологический плюрализм, ориентация на «синтетическое теоретизирование», множественность и многовекторность интерпретаций, отсутствие единой общеразделяемой объяснительной теоретической модели (см., в частности, [13]) — это только некоторые из важнейших исходных условий, в которых сегодня ученому-гуманитарию, философу предстоит делать выбор собственной исследовательской методологической стратегии, делать выбор и обосновывать свое право на такой выбор, исходя из специфики и смысла поставленных научных целей и задач. Часто сам предмет исследования создает в этом смысле дополнительные сложности. Это относится и к предмету, избранному нами. Биография как социокультурный феномен может быть проанализирована с самых различных теоретико-методологических позиций, она «отразилась» в зеркале разных гуманитарных наук и ее научные образы-отражения часто совсем не похожи друг на друга. Ответственность за труднейшую методологическую «свободу выбора» — важнейшая составляющая самой научности гуманитарного знания («научной гуманитарности», по терминологии Л. М. Баткина). «Какая же, однако, странная, вызывающая, деликатная, рискованная, тревожная эта гуманитарная свобода! И насколько нравственно обусловлена она! Как надличностна ее личностность, как строга ее нестрогость! Как серьезна ее игра! Автор-гуманитарий плотно обставлен изнутри своего предмета (и собственно текста)... Он сам вынужден особенно щепетильно считаться с обстоятельствами диалога, организатором

которого сам и выступает», — так характеризует сложность выбора стратегии и методологии гуманитарного исследования Л. Баткин [6]. Он пишет об этом в сборнике своих эссе, названном «Пристрастия». В этом названии — невольный намек на то, чем исходно (или, в конце концов?) обусловлен такой выбор. Тем не менее, научное исследование не может обойтись лишь отсылками к «пристрастиям».

Чтобы обосновать специфику нашего анализа и теоретико-методологического инструментария, обратимся к разграничению внутри гуманитаристики, предложенному российским методологом Н. С. Розовым: «социальная культурология» и «гуманитарная культурология» [18]. «Социальная культурология» изучает аспект социального мира, связанный с преемственностью систем культурных надличностных образцов, а «гуманитарная культурология» имеет дело с индивидуально-личностным измерением культуры и работает с культурными текстами в широком смысле этого слова. Мы не считаем удачным использование термина «культурология», неоправданно сужающим, на наш взгляд, зону применения данного разграничения внутри *humanities*. Нам важен сам его проблемный смысл, зафиксированный еще и в появлении внутри общегуманитарного знания исследовательских областей, которые сами себя еще раз дополнительно именуют как «гуманитарные», «гуманистические» («гуманистическая социология», «гуманистический психоанализ», «гуманитарная историография» и т. д.) [20; 23]. Ранее мы обращались к проблеме двойной «гуманитарности» и «гуманистичности» в рамках гуманитаристики [10].

Такая внутренняя тавтология не случайна. Она как раз и основана на особом внимании к индивидуально-личностному, «человеческому», «человекомерному» измерению культуры. Как подчеркивает В. С. Библер, «развертывание духовной культуры в истории заключается в ее перематывании из безличной формы всеобщности в личностную форму культуры индивида» [7]. Этот процесс постоянного «перематывания» и является предметной зоной «дважды гуманитарных» областей. Внутри них устанавливается требование максимума субъектности и обязательной персонализации и ситуационности культурных смыслов (см. [11; 27]). Э. Ю. Соловьев, писавший о «гуманитарной историографии» в контексте обоснования специфики биографического анализа, понимал под ней широкую панораму историко-философских, культурологических и биографических исследований, объединенных по общему основанию: исследование должно представлять собой историю идей любого порядка и сложности как драму в лицах, разыгрываемую в конкретной исторической ситуации [23]. Обозначенные нами «гуманитарные» области ориентируются и ориентируют наше представление о соразмерности,

со-равности истории и личности. Внимание уделяется «человеческому лику» истории. В пределе сама история понимается как лик личности. Вводится методологический запрет поиска основ социальности, культуры вне личности (в ее конкретно-биографической и ситуационно-исторической уникальности), поскольку личность признается средоточием и истоком историчности и социальности. Данное ограничение не является абсолютным и самодовлеющим. «Гуманистическая» и «социальная» гуманитаристика должна находиться в отношениях взаимодополнительности.

Исследованию феномена биографии и специфики биографического подхода сквозь призму «двойной» гуманистической нагруженности гуманитарного знания соответствует следующий комплекс теоретико-методологических оснований и предпосылок, который мы считаем лишь вариантом из множества возможных:

1. «Философия жизни» в трактовке В. Дильтея, во многом опиравшегося на романтическую традицию и романтическую транскрипцию жизни и «исторической индивидуальности». В русле нашей проблематики особенно важными являются следующие положения дильтеевского варианта «философии жизни»: культурно-историческая («сверхвitalная») интерпретация жизни, обнаружение первичных структур человеческого опыта жизни именно в истории и социокультурном бытии, идея саморефлексивности жизни («жизнь толкует жизнь»), ее внутренней автобиографичности, требование понять жизнь из нее самой.

Существенным также является учет дильтеевского обоснования специфики «наук о духе» и их категориально-методологического профиля. Это позволит более точно определить место и роль биографического дискурса в структуре *humanities*, а также методологические подходы гуманитаристики (как актуально реализованные, так и потенциально возможные) к анализу биографического/автобиографического опыта, его онтологической укорененности в социокультурном бытии. Важен для нас также тезис Дильтея о «беспредпосылочности богословской экзегезы», который может быть истолкован в более широком смысле, как имеющий отношение к специфике гуманитарного знания в целом. «Беспредпосылочность» понимается в данном случае как воля «руководствоваться только историческим исследованием, ни в коем случае не каким-нибудь настроением или тенденцией, и эта воля, упрочившись, должна стать натурой ученого» [14]. При этом Дильтей подчеркивает, что такого рода «беспредпосылочность» не может быть реализована без предварительной «подвижной гипотезы» и без исходной мировоззренческой и теоретической «направленности собственного духа» исследователя.

2. Герменевтика («онтогерменевтика») в разнообразии своих вариантов (концепции Ф. Шлейер-

махера, И. Дройзена, В. Дильтея, М. Хайдеггера, Х. Гадамера, П. Рикера). В методологическом плане мы опираемся на основной онтогерменевтический постулат: понимание — способ бытия человека в мире, а жизнь сама внутренне герменевтична. «Выразимость», представленная, в частности, в дильтеевской триаде: переживание-выражение-понимание, — фундаментальная характеристика жизни. Наиболее органичные социокультурные формы «выразимости жизни» — автобиография и биография. «Ренессанс» биографического подхода в гуманитаристике связан с развитием и переинтерпретацией на современном этапе его «герменевтической» составляющей. В трансдисциплинарном поле биографических исследований специально выделяется «герменевтический» подход (наряду с «социоструктурным») [21]. Такая «герменевтическая» переориентация биографического подхода диктует необходимость нового «прочтения» классических теорий понимания и интерпретации и обнаружения в них еще не использованного теоретико-методологического потенциала.

3. Концептуальные положения феноменологической и экзистенциалистской традиций. Это, прежде всего, концепция «жизненного мира» Э. Гуссерля, феноменологическая интерпретация процедур смыслоконституирования социокультурной реальности, презумпция «первопорядковости моего Я», которое «конституирует все, когда-либо оказывавшееся для меня объективным» [5]. Мы опираемся также на положения феноменологической социологии А. Шюца, прежде всего, о «смысловой структуре повседневного мира» и о «конечных областях значений» («субуниверсумах реальности») [28; 29]. Социальная реальность в данной традиции — это совокупность объектов и событий внутри социокультурного мира как опыта обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью. В рамках такой интерпретации анализируется смыслоконституирующая роль «биографического/автобиографического опыта».

В традиции экзистенциализма глубоко продумана идея «первоисторичности» («внутренней историчности») личности (К. Ясперс, М. Хайдеггер); жизнь рассматривается в свете «бытийно-исторической ситуации», «пограничной ситуации», она понимается не столько как естественно-историческая, сколько как смысловременная действительность, как «трагедия и драма» (Х. Ортега-и-Гассет). Это позволяет по-иному организовать биографический дискурс, ввести в него «ситуационный», «персонажно-драматический» и «судьбический» ракурсы, осмысливать «события жизни» в свете «события бытия», а также выстраивать/реконструировать биографию через типологию личностных экзистенциальных ролей (роль как «удел», «принуждение», «миссия», «призвание», «фарс», «трагедия» и т. д.). Экзистенциа-

листская «персонажно-драматургическая» интерпретация жизни-биографии оказывается созвучной идеям Ю. М. Лотмана о культурно-семиотическом кодировании (в данном контексте, прежде всего, через культурный код «театра»), созвучной, несмотря на разные исходные основания для данной процедуры.

Методологическим ориентиром для биографически ориентированного исследования могут стать работы Э. Ю. Соловьева, осуществившего интерпретацию экзистенциалистской традиции в рамках методологии биографического анализа и разработавшего собственную версию ситуационно-исторического подхода (модель «личность-ситуация»). В этой версии заложены основания социально-философского анализа биографии как феномена истории и культуры [23–26].

4. Структурно-семиотический подход, в частности, в версии Ю. М. Лотмана. Рассмотрение в данной традиции культуры как текста, сложно устроенного и распадающегося на иерархию текстов в тексте, позволяет глубоко продумывать и плодотворно использовать модель «жизнь как текст», представлять ее в единстве «событий жизни» и «событий текста». В данной традиции разработаны процедуры корректного соотнесения экзистенциального и нарративного измерений жизни-биографии. В семиотической концепции культуры феномен биографии осмысливается в контексте взаимодополнительности индивидуально-личностного и объективно-надындивидуального измерений социокультурного бытия, как «мерцающая», «пульсирующая» точка пересечения двух измерений. Индивидуальная жизнь-биография способна при определенных условиях «репрезентировать» (подобно «монаде» Лейбница) целую эпоху или определенный тип культуры. В свою очередь, история того или иного надындивидуального социокультурного образования может быть представлена как «биография» (нации, группы, сообщества), т. е. в «просопографической» перспективе («просопография» в данном контексте понимается как междисциплинарная область исследований, ориентированная на создание «коллективных биографий», «коллективных портретов» различных социальных групп и сообществ).

Концептуальная установка на взаимодополнительность — одно из важнейших теоретико-методологических положений исследования феномена биографии в культуре и биографического подхода в гуманитаристике, в любом междисциплинарном обличии такого исследования. Также методологически значимой представляется нам разработка в рамках структурно-семиотического подхода проблематики культурно-исторической памяти, ее трансформаций. Биографический/автобиографический аспект — один из наиболее существенных в пределах данной исследовательской зоны. В целом, соотношение куль-

турно-исторической и биографической/автобиографической памяти является предметом исследования во многих областях гуманитаристики (в частности, в герменевтике П. Рикера).

5. Необходимым, как мы уже указали, является обоснование специфики той области *humanities*, в рамках которой применение биографического подхода будет наиболее плодотворным. Кроме дильтеевского анализа проблемно-методологического профиля «наук о духе», актуализировавшего ценность биографических исследований, могут быть использованы также концептуальные основания методологии гуманитарного знания, предложенные М. Бахтиным. Представление социокультурного мира как мира «текстов и смыслов», внутренний диалогизм, полифоничность; этическая ориентация гуманитарного знания, разработанная в рамках «философии поступка», включенность «этоса» *humanities* в методологию гуманитарного исследования, этико-методологическая установка на «любное созерцание» — вот существенные для нас черты концепции Бахтина. Они были учтены и его последователями, в частности, Л. Баткиным в его модели «научной гуманитарности», ориентированной на принцип — «максимум субъектности» (не субъективности!) [2; 4–6]. У самого Баткина она нашла конкретное выражение в исследовании величайших автобиографических текстов европейской культуры: «Исповеди» Августина, «Истории моих бедствий» П. Абеляра, «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо [3].

6. Методология качественного анализа в социологии, социальной и культурной антропологии, социальной психологии. Она может быть учтена на уровне ее базовых концептуальных подходов и исследовательских стратегий. Речь идет, прежде всего, об «обоснованной теории» (А. Штрауса и Б. Глейзера), которая характеризуется отсутствием предварительной концептуализации предмета исследования и ориентацией на генерирование понятий и категорий дескриптивным путем через «насыщенное» (плотное) описание (термин и стратегия К. Гирца [9; 30]).

Еще одно необходимое замечание: методология задается спецификой предмета, исходя из базового герменевтического принципа: субъект понимания сам принадлежит предмету понимания, а «в предикатах, которые мы высказываем о предметах, заключены и способы постижения» [15]. Авторы, «ангажированные» жанром биографии (в научном, литературном и повседневном его понимании), невольно и сознательно переносят «законы жанра» в собственное исследование. Так, «персоцентричность» феномена биографии может спровоцировать такую же «персоцентричность» разговора о ней. К примеру, В. Дильтей и Ю. Лотман, уделившие особое внимание разработке биографического подхода в гуманитарном знании, были незаурядными биогра-

фами, создателями блестящих жизнеописаний, подлинными мастерами научной и художественно-научной биографической реконструкции. Они писали биографии и одновременно осмысливали теоретические проблемы биографистики.

В многочисленных исследованиях, так или иначе затрагивающих проблемы биографии, часто не проводится четкого исходного понятийного разграничения. В частности, нередко в качестве синонимов используются термины «биографический метод» и «биографический подход» (см., к примеру, [21], где оба термина порой употребляются как синонимы). «Биографический подход» фиксирует направленность исследовательского интереса на биографическую проблематику во всем многообразии ее проявлений (интенциональность): биография как социокультурный феномен, как литературный и научный жанр, совокупность методов анализа биографического/автобиографического материала в различных областях *humanities* и т. д. Его широта и категориальная размытость, нечеткость, а следовательно, отсутствие понятийно-категориальной жесткости и приверженности той или иной методологической позиции позволяют исследовать многообразие форм биографического опыта, биографического дискурса, равно как и форм рефлексии над биографическим/автобиографическим опытом, оснований укорененности «биографического» в глубинных структурах культуры. Это, как нам представляется, соответствует специфике философского анализа.

Биографический и автобиографический дискурс, как правило, несет в себе элементы «саморазоблачения». Следуя тезису об изоморфности предмета исследования и стратегии его анализа, предпримем своеобразное методологическое «саморазоблачение». Первоначально нами довольно часто использовался термин «биографическая методология» как обобщающий по отношению к совокупности «биографических методов». Корректность термина «биографический метод» мы не оспариваем, однако настаиваем на том, что единого «биографического метода» не существует, есть «биографические методы», разработанные на основе разных, часто совершенно противоположных теоретико-методологических допущений. На это, в частности, указывает М. Соколянский, рассматривая специфику исторических трансформаций биографического подхода в рамках разных методологических направлений [22]. Он подчеркивает необходимость обоснования уместности и точности употребления термина «биографический метод» в каждом конкретном случае и указывает на имеющее место в современном гуманитарном знании расширение границ определения понятия «метод». В целом же, метод определяется не объектом повышенного внимания исследователя (в данном контексте объектом будет биография), а подходом к мате-

риалу, спецификой его видения, что, безусловно, задается в рамках той или иной методологии.

В результате работы над темой от понятия «биографической методологии» пришлось отказаться, ввиду отсутствия таковой в качестве некоего концептуального единства. «Биографическая» в рамках сделанного нами ранее разграничения характеризует объект, а не методологическую установку. Наша предварительная гипотеза оказалась ошибочной, однако, смеем надеяться, не роковой. Пришлось признать методологическую несамостоятельность биографического подхода — он принципиально не может обосновать себя сам изнутри, нуждается в мета-обосновании — в той или иной концепции культуры, социального бытия, в той или иной теоретико-методологической установке гуманитарного знания. Попытка индивидуализирующего биографического описания стать научно самодостаточным, автономным оказывается «когнитивным самозванством». Перед нами вдруг оказывается гофмановский Крошка Цахес, который ничего из себя не представляет без волшебных чар феи.

В настоящее время мы исходим из положения о том, что универсум биографического как в культуре, так и в гуманитарном знании может быть исследован в рамках различных концепций и интеллектуальных стратегий. Гуманитаристика пережила не одну смену и трансформацию таких исследовательских стратегий, несколько раз смена парадигм заставляла многих говорить об исчерпанности/смерти биографического жанра в науке. Однако интерес к феномену биографии и возможностям биографического подхода возродился, подобно Фениксу, облекаясь в новые концептуальные одежды.

Позволим себе крайнюю категоричность: интересом к тайне и загадке биографии жива европейская культура, одной из главных «духовных универсалий» которой является идея индивидуальности (иногда культ индивидуальности). В этом смысле апология биографии и биографического (означающая одновременно борьбу с «биографической модой» и «биографическим бумом») будет для нас своеобразной апологией и признанием в любви к духовным основаниям европейской культуры, а порой — «любви к непутевым героям», следуя, опять-таки, не эмоциональной, а методологической установке, сформулированной замечательным исследователем биографических нарративов Н. Козловой [16].

Приверженность биографическому подходу в лучших своих образцах для ученого-гуманитария означает признание особой важности, неустрашимости из гуманитарного исследования этической составляющей. В вариантах, представленных нами, она нашла выражение в идее внутренней сопричастности «биографическим персонажам» истории, культуры, литературы, нелитературных «наивных» жизнеописаний; в особом, ме-

тодологически обоснованном, «любовном созерцании» чужого биографического опыта. Этическое кредо оказывается одновременно и методологическим принципом, глубоко осмысленным, в частности, в культурной антропологии и в «качественной» социологии, где ученый, особенно исследователь биографических нарративов, — это неизбежно «подопытный наблюдатель» (Н. Козлова), постоянно держащий в уме «биографическое априори» собственного, претендующего на объективность, но все же неизбежно субъективного описания. Этически ориентированная гуманитаристика вводит презумпцию «доверия» биографическому/автобиографическому повествованию, уважения к его смыслам, часто непонятным и чуждым самому исследователю. Она не может не испытывать определенную «робость» перед лицом биографического опыта и не чувствовать ответственность перед ним. Изучение биографий и автобиографий в такой установке означает и нравственный отказ гуманитария от ролей: глядящего в замочную скважину «любопытствующего»; судьи, присвоившего себе в силу привилегированной «постфактумной» исторической позиции право судить; детектива-сыщика, отправляющегося в погоню за тайным, часто специально утаенным; разоблачителя, срывающего «биографические» и «автобиографические» маски, ищущего за фактами «высокой биографии» низкие мотивы и т. д. Ярко выраженную этическую компоненту имеет и предложенный Филиппом Леженом, выдающимся современным исследователем автобиографии, проект «автобиографического соглашения», о котором также говорится в нашей работе. Напомню, Ф. Лежен назвал «право на автобиографию» — одним из неотъемлемых прав человека, одновременно призывая не использовать это право во вред другим, вторгаясь через собственное «пространство автобиографии» в чужую жизнь, нарушая столь же неотъемлемое право на ее приватность. Биографический интерес, во всех его проявлениях — общественно-публичных и научных, приводит во взаимодействие внутренний и внешний суд, совесть и правосудие, связывает «биографическое» право и ответственность.

Ученые-гуманитарии выполняют свою во многом трагическую (в силу ее трагической невыполнимости) миссию атлантов и кариатид, удерживающих на плечах и поднимающих, представляющих, высветляющих основания социокультурного бытия. Одновременно они ощущают на плечах «невыносимую легкость» таких оснований. Ведь только они в состоянии в интеллектуальном воображении представить себе почти невыносимое — культуру, где люди больше не знали бы, что значит рассказывать, и людей, больше не имеющих опыта, которым можно было бы поделиться. Такая пугающая перспектива может быть, как минимум, отсрочена, пока существует

биография. Тем не менее, гуманитарий первым должен заметить и пугающие перспективы самой биографии — возможность оказаться лишь пустой формой, лишенной своего уникального и, одновременно, универсального культурного смысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С. С.* Плутарх и античная биография / С. С. Аверинцев // *Образ античности*. — СПб. : Азбука-классика, 2004. — С. 225-465.
2. *Баткин Л. М.* Два способа изучать культуру / Л. М. Баткин // *Пристрастия : избр. эссе и статьи о культуре*. — М., 1994. — С. 34-55.
3. *Баткин Л. М.* Европейский человек наедине с собой : очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания / Л. М. Баткин. — М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2005. — 1005 с.
4. *Баткин Л. М.* Неуютность культуры / Л. М. Баткин // *Пристрастия : избр. эссе и статьи о культуре*. — М., 1994. — С. 13-34.
5. *Баткин Л. М.* От индивидуализирующего метода к методике / Л. М. Баткин // *Пристрастия : избр. эссе и статьи о культуре*. — М., 1994. — С. 115-120.
6. *Баткин Л. М.* Пристрастия : избр. эссе и статьи о культуре / Л. М. Баткин. — М. : ТОО «Курсив-А», 1994. — 288 с.
7. *Библер В. С.* Мышление как творчество. Введение в логику мысленного диалога / В. С. Библер. — М. : Наука, 1975. — 400 с.
8. *Валевский А. Л.* Основы биографики / А. Л. Валевский. — К. : Наук. думка, 1993. — 111 с.
9. *Гириц К.* «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры / К. Гириц ; пер. с англ. Е. М. Лазаревой // *Антология исследований культуры*. — Т. 1. Интерпретации культуры. — СПб., 1997. — С. 315-338.
10. *Голубович И. В.* «Гуманитарные» и «гуманистические» области внутри Humanities: постановка проблемы / И. В. Голубович // *Наукове пізнання: методологія та технологія*. — 2002. — № 10. — С. 104-106.
11. *Голубович И. В.* Методологические проблемы ситуационного подхода и его применение в современных гуманитарных исследованиях : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 Голубович Инна Владимировна. — Одесса : Южноукраинский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 1997. — 201 с. — Библ. : С. 183-201.
12. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления / Э. Гуссерль ; пер. с нем. Л. В. Складнева. — СПб. : Наука-Ювента, 1998. — 315 с.
13. *Делез Ж.* Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари ; пер. с франц. Д. Кралечкин. — Екатеринбург : У-Фактория, 2007. — 607 с.
14. *Дильтей В.* Герменевтическая система Шлейермахера в ее отличии от предшествующей протестантской герменевтики : собр. соч. в 6-ти тт. / В. Дильтей ; пер. с нем. под ред. В. В. Библихина, Н. С. Плотникова. — М., 2001. — Т. 4. Герменевтика и теория литературы. — С. 15-235.
15. *Дильтей В.* Наброски к критике исторического разума (Фрагмент глав «Переживание, выражение и понимание») / В. Дильтей ; пер. с нем. А. П. Огурцова // *Вопросы философии*. — 1988. — № 4. — С. 130-146.
16. *Козлова Н. Н.* Вместо введения. Подопытный наблюдатель / Н. Н. Козлова // *Советские люди. Сцены из истории*. — М., 2003. — С. 9-75.
17. *Лежен Ф.* В защиту автобиографии : эссе разных лет / Ф. Лежен ; пер. с франц. Б. Дубина // *Иностранная литература*. — 2000. — № 4. — С. 108-123.
18. *Розов Н. С.* Структура цивилизации и тенденции мирового развития / Н. С. Розов. — Новосибирск : Наука, 1992. — 216 с.
19. *Рындин С. Б.* О книге Мишеля Лейриса / С. Б. Рындин // М. Лейрис. *Возраст мужчины*. — СПб., 2002. — С. 223-250.
20. *Семенова В. В.* Качественные методы: введение в гуманистическую социологию : учеб. пособие для студентов вузов / В. В. Семенова ; Ин-т социологии РАН. — М. : Добросвет, 1998. — 289 с.
21. *Скокова Л. Г.* Біографічний метод в соціології: історія і специфіка застосування : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. соціол. наук / Л. Г. Скокова ; Ін-т соціології НАН України. — К., 1999. — 20 с.
22. *Соколянский М.* Емкость дефиниции и трансформация метода / М. Соколянский // *Філософські пошуки*. — Львів ; Одеса, 2004. — Вип. XVII–XVIII. — С. 526-535.
23. *Соловьев Э. Ю.* Биографический анализ как вид историко-философского исследования / Э. Ю. Соловьев // *Прошлое толкует нас*. — М., 1991. — С. 19-66.
24. *Соловьев Э. Ю.* Личность и ситуация в социально-политическом анализе Маркса / Э. Ю. Соловьев // *Вопросы философии*. — 1968. — № 5. — С. 15-29.
25. *Соловьев Э. Ю.* Судьбическая историософия М. Хайдеггера / Э. Ю. Соловьев // *Прошлое толкует нас*. — М., 1991. — С. 356-389.
26. *Соловьев Э. Ю.* Экзистенциализм : историко-критический очерк / Э. Ю. Соловьев // *Там же*. — С. 286-336.
27. *Топоров В. Н.* Эней — человек судьбы: к «средиземноморской» персонологии. Ч. 1 / В. Н. Топоров. — М. : Радикс, 1993. — 192 с.
28. *Шюц А.* Дон Кихот и проблема реальности / А. Шюц ; пер. с англ. В. Степаненко // *Философская и социологическая мысль*. — 1995. — № 11-12. — С. 144-169.
29. *Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира : очерки по феноменологической социологии / А. Шютц ; пер. с англ. А. Я. Алхасова, М. Я. Мазлумяновой. — М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. — 336 с.
30. *Geertz C.* Thick description toward an interpretive theory of culture / C. Geertz // *The interpretation of culture*. — N. Y. : Basic books, 1973. — Ch. 1. — P. 3-30.